

УБИЛИ СВОЕ ОФИС САЙТ

Татьяна Шахматова

...ся к теме, товарищи. Кока – вещь, но не надо мешать
гннцей

...о коку достали? Это же...
...им вообще нет проблем
...сии под запретом

...под запретом, но только
...отликом

...кока в переводе с языка
...кто идет на работу»

...сно, если полиция пойм
...о хуже другое – потом ни
...онистория, что да, все
...за один раз

...раз за ганджубае
...то ж вы бы?

...е не знаю, как получилось
...ось

...что это (был Родри. Ребята, я проше
...ое, чтоб не понес

...еще хочется сдохнуть.
...оже. Утро стрелецкой казни.

...как, меня лично уже вчера расстреляли
...т быть, теб от текилы так вырубил вчера?

...тот продукт я еще в России тестировал, так что вырубил-и-

...понеслось

...вообще не знаю, как получилось, кажется, топ-мекс-принес...

...даже за

...интересно, если полиция пойм...

...читал, ко

...в России

...Вы что коку

...вернемся

...да, похоже

...каждый муж должен в любой момент знать, где подушки его

...ина и текилы действительно пока не изучен.
...а, меня еще и жена все утро пыгает: спрашивает, где каки-

Филологическое расследование

Татьяна Шахматова

Убийство онсайт

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шахматова Т. С.

Убийство онсайт / Т. С. Шахматова — «ЭКСМО»,
2018 — (Филологическое расследование)

ISBN 978-5-04-098229-5

Порой эксперту-филологу Виктории Берсеньевой достаточно проанализировать текст, чтобы найти преступника. Именно поэтому к ней обращается владелец айти-компании Павел Кнопкин. Он подозревает, что один из его сотрудников продает секретные документы конкурентам. Вика и ее племянник Саша отправляются расследовать готовящееся преступление в столицу далекого Эквадора, экзотический город Кито. Но Сашу очень тревожит, что Вика слишком очарована молодым миллионером Павлом и принимает все его слова на веру. Похоже, она не понимает, что эксперт ему нужен лишь для прикрытия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098229-5

© Шахматова Т. С., 2018
© ЭКСМО, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Сергеевна Шахматова

Убийство онсайт

© Шахматова Т.С., 2018

© Паламарчук Я., оформление, 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Такой Гондурас

Мы начали ругаться еще на земле, в самолете вроде бы помирились, но к посадке взаимные упреки пошли по новому кругу, не помню, каким он был по счету. Впрочем, совершенный вид глагола, намекающий на быстротечность и стремительность происходящих событий, в данном случае неуместен. Мы с Викторией были в пути – страшно представить – больше суток, двенадцать часов из которых монотонно летели над Атлантикой, упакованные в гигантскую голубую птичку с логотипом датских авиалиний, поэтому напрасно говорить, что мы только и делали, что ругались, мирились и снова ругались.

В аэропорту Амстердама, в этом неутомимом коронарном сосуде Европы, гудящем разноголосыми людскими потоками, Виктории захотелось курить.

Мне казалось, что пагубная привычка давно побеждена, на что Виктория огрызнулась, мол, перелет действует ей на нервы, а консультацию святого Александра Гондурасского она не заказывала. В такие моменты лучше промолчать, и я промолчал.

Насчет Гондурасского – это она зря, к идее лететь на другой конец света я имел так же мало отношения, как Амстердам к березовым лаптям. Это была Викина идея. Точнее – ее заказ. Ее заказали. Да, именно так. Купили, а она теперь мучилась, что купили слишком дешево.

В общем, курилку мы не нашли, зато на посадку опоздали. Девушка у пропускного контроля, изо всех сил стараясь не потерять профессиональную улыбку, нервно проговорила что-то в рацию на голландском, после чего для нас все-таки открыли дверь к самолету, которую уже успели перегородить бело-красным шлагбаумом. Вика прошествовала в любезно расстеленный рукав.

«Uncharted territory», – прочитал я надпись на рукаве, обозначающую место, куда мы собирались лететь. «Территория, не отмеченная на карте».

Гондурас он и есть Гондурас.

– Быстрее, быстрее, – с досадой в голосе торопила Вика, как будто это из-за моего каприза мы чуть было не профукали билеты. Если бы не эта европейская терпимость к идиотизму пришельцев из других стран, не видать нам трансатлантического перелета как своих ушей. «Господин Александр Берсеньев, госпожа Виктория Берсеньева, пожалуйста, пройдите к выходу номер двадцать семь, посадка на ваш рейс завершена». Они объявили нас раз семь, пока мы наперегонки с траволаторами неслись к нужному выходу. Ничего удивительного в том, что сквозь профессиональные улыбки стюардесс читалось желание нас немножечко убить.

На крайнем месте нашего ряда величественно восседал индеец. Настоящий, живой индеец в цветастом пончо и с прической из двух толстых кос, куда были вплетены оранжево-желто-зеленые ленты. Широкая бочковидная грудная клетка мужчины едва помещалась в кресло. Грозно глянув на опоздавших, индеец медленно отстегнул ремень безопасности и, не торопясь, с достоинством поднялся.

Пробормотав извинения по-английски и на всякий случай по-испански, – в рамках только что изученной лексики разговорника, Вика скромно уселась на свое место у окна, и пару часов я ее не слышал. Она читала материалы нашего нового дела, а я смотрел какие-то древние бибисишные альманахи – единственное приличное из самолетного плеера, – украдкой пытаясь рассмотреть индейца. Каждый раз, когда мы с соседом встречались глазами, он слегка щурился и глядел настороженно и неприветливо.

– Промышленный шпионаж и конкурентная разведка, – сказала Вика вместо «приятного аппетита», когда нам принесли ланч.

– Это все, что тебе удалось выяснить за последние два часа? – подколот я, пытаюсь хоть немного отомстить за тот кошмар, который она устроила в аэропорту.

То, что мы едем искать вора, или, как выразался наш заказчик, крысу, которая ворует информацию и передает ее конкурентам, было указано в теме самого первого письма.

Вика посмотрела как-то неопределенно, вздохнула и снова отвернулась к окну.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Началось! Не обязательно цитировать Федора Ивановича Тютчева, чтобы намекнуть, что собеседник вас не так понял или не понял вовсе, но Виктории такой заход казался вполне удачным.

Эта симпатичная, несмотря на всю свою зловредность, дама, высокая, стройная, немного за тридцать, – моя родная тетка, сестра моей мамы. Она филолог, точнее эксперт-филолог. Это значит, что Виктория не просто знает, как правильно пишутся слова, но и умеет вычислить, что за ними стоит. Для нее «цепляться к словам» – это не образное выражение, а профессия. Однажды Виктория сумела вычислить убийцу, анализируя профили убитой пары в интернете, а были случаи, когда ей удавалось установить преступника по нескольким эсэмэс выброшенного на помойку телефона¹. После таких словесных фокусов она получила в прокуратуре, где состоит в качестве штатного эксперта, прозвище «детектив с дипломом филолога».

У нас с теткой разница в возрасте двенадцать лет, и я считаю кем-то вроде ее помощника. Но такого клиента, как сейчас, у нас не было еще никогда.

– Попробуй, тут точно рыбы нет? – попросила Вика, протягивая мне пластиковый бокс с запеканкой вроде лазаньи.

На рыбу у Вики была пищевая аллергия, и в мои обязанности также входило следить за ее рационом.

– Креветки, кальмар и мидии, – как и написано: морской коктейль.

Я поковырял в предложенном блюде вилкой, но и так было ясно, что датские авиалинии не собирались вводить нас в заблуждение.

– Хорошо. Какой-то летающий ресторан, – пробормотала она.

Минут через сорок после ланча принесли еще один ланч, который теперь назывался обедом, потом был перекус, потом кофе-брейк, полдник, ужин. В перерывах между приемами пищи белокурые красавицы-стюардессы возили тележку с бутылочками вина, пивом, коньяком, чипсами и орешками, а если кому-то и этого казалось мало, то за шторкой в комнате проводников имелась емкость с надписью «Снеки», откуда дети таскали вафли, чупа-чупсы и разные другие вредные вкусности.

Виктория поела лишь однажды, остальное время догонялась орешками и потягивала вино, закусывая овощным салатом. Впрочем, я понимал ее – если приступ злосчастной пищевой аллергии случится где-нибудь посреди Атлантики, наше путешествие может стать летальным, и, к сожалению, не от слова «летать».

Все началось со звонка по скайпу.

– Мои сотрудники даже в курилку ходят через группу «курилка», понимаете, о чем я? – сразу взял быка за рога некто Павел Николаевич Кнопкин.

Фамилия оказалась говорящей, потому что с нами связался директор фирмы «Айтишники», канадский миллионер русского, точнее белорусского, происхождения, как охарактере-

¹ Подробнее читайте об этом в романе Татьяны Шахматовой «Унесенные блогосферой».

ризовала его Википедия. Фирма Кнопкина занималась тем, что упрощала документооборот, сокращая бюрократию, а заодно и людей в крупных корпорациях по всему миру. Это называется красивым словосочетанием «облачные технологии».

– У нас все на переписке. Крысеныш должен где-то проколоться. – Директор пустился объяснять, зачем ему филолог, а мы слушали его хриловатый голос, наблюдая в камере размытый силуэт с торчащими, как иглы у ежа, волосами, и не совсем верили тому, что слышим. Понять, сколько Кнопкину лет, тоже не представлялось возможным – по ощущениям от сорока до пятидесяти. Википедия не давала ответа.

– Вам надо поменять точку, – заявил вдруг Павел Николаевич и отключился.

– Какую еще точку? – пробормотала Виктория, когда погас экран.

– Может, точку сборки, как у Кастанеды? – пошутил я, а она махнула рукой, и мы больше не возвращались к этому разговору.

Но странным оказался не разговор и не наличие то ли вымышленного, то ли реального канадского миллионера. Странно было, что Виктория согласилась лететь.

Через несколько дней Кнопкин позвонил снова.

– У нас тонны переписки: и внутренние чаты, и электронная почта, и скайп, и социальные сети. Мы завалены сообщениями, – продолжил он с того же места, на каком остановился в прошлый раз.

Говорил белорусско-канадский бизнесмен отрывисто и четко, как будто давал секретарше рядовое поручение о распечатке договоров. «Да, и кофе. Не забудьте, пожалуйста», – как будто собирался добавить он в конце.

– Я думала, что такие вещи, как хождение информации, контролирует система безопасности, – вставила наконец слово Виктория.

– В том-то и дело, что этот крысеныш как-то обходит службу безопасности. Вы в своих статьях и книгах доказываете, что человек не может не проболтаться. И смените наконец точку. Возьмите эппловскую коробку, я закину вам денег. Это не в счет аванса, просто... Считайте, что это оборудование для нашего проекта. Невозможно разговаривать.

Он снова отсоединился, и по той уверенности, с которой он дозировал информацию для нас, казалось, что господин Кнопкин не только все давно продумал и просчитал, но и знает ответ на свой вопрос. Нам же пока стало понятно лишь одно: под словом «точка» айти-магнат подразумевает точку доступа к интернету. К слову сказать, та модель, которую он порекомендовал, стоила около сорока тысяч рублей. Сорок тысяч за какой-то маршрутизатор! Канадский миллионер явно считал в каких-то других мерах. Однако он все-таки считал, и в этом мы очень скоро убедились.

Лететь нужно было аж в Южную Америку, а поменять точку мы так и не успели: Виктория взяла отпуск за свой счет, я ушел в академку, так как учебный год уже начался, и мы отправились покорять Новый Свет.

Долго отдыхать после обеда в самолете нам не дали: минут через пятнадцать принесли десерт.

Обнаружив под прозрачной фольгой вафли, проложенные мороженым, тюнингованные по краям вишневым конфитюром, я задался только одним вопросом: как удалось в такой сохранности донести это великолепие от ресторана на земле до моего пассажирского кресла?

– Представляешь, что сейчас творится в бизнес-классе?! – совершенно искренне восхитился я, забыв, что даже выстрелы в воздух сегодня рикошетят от небесной тверди и попадают в одну и ту же цель.

– У фирмы Кнопкина страшные утечки, миллионы на кону. Они являются иностранной компанией, местная полиция не поможет: чтобы вычислить крысу, надо владеть русским языком. И при таком раскладе он везет единственного в мире специалиста, который может помочь,

в экономклассе, – проворчала Виктория, выгибая спину. – Ты чувствуешь разницу между конкурентной разведкой и шпионажем?

– Я всегда думал, что это синонимы, разница только в точке зрения: наш – это разведчик, а их – это шпион.

– Нет. Это не синонимы.

Вика повернулась, посмотрела на меня грустно и повторила:

– Не синонимы, чтоб их семантическое поле схлопнулось! Разведка – это когда информацию о конкурентах находят, анализируя открытые источники, а шпионаж – это воровство. Чувствуешь? Совершенно разный объем работ.

– А-а-а, – протянул я, веселясь напоказ. – А – это алчность.

– А – это Ответственность, – произнесла Вика со смешным акцентом и криво улыбнулась, а потом тихо добавила: – Не хотелось бы ехать на другой край шарика, чтобы опозориться.

– Опозориться в Гондурасе!

– В Эквадоре, – еще тише проговорила она.

– Один фиг, – тоже машинально переходя на шепот, ответил я.

– Не один, – оставила за собой последнее слово моя родственница, снова углубляясь в свои бумаги.

Конечно, я в курсе, что мы направлялись в Эквадор, а не в Гондурас. Но, прочитав несколько тревелогов об этих местах, я не нашел особой разницы. Все страны Латинской Америки выглядели ужасно похожими между собой, а Гондурас звучит смешнее и подходит для троллинга некоторых слишком самоуверенных особ.

Оглянувшись, я понял, почему Виктория шептала. Запрокинув голову и страшно, поразбойничьи обнажив верхние зубы, наш сосед-индеец спал. Наконец-то я смог рассмотреть его. Свинные веки и характерный крючковатый нос казались ненастоящими, как будто нарочно вылепленными с долей преувеличения, чтобы это лицо можно было снимать в исторических фильмах или рисовать с него монументальные портреты грозных индейских воинов. Стало завидно. Тоже хотелось отключиться до самой посадки, но не помогали ни вино, ни коньяк.

Вика задремала, а я от нечего делать прислушивался к разговорам. Публика в самолете четко поделилась по расовым и языковым признакам. Рослые белокурые пассажиры говорили по-немецки и по-английски, черноволосые, смуглые и рослые – по-испански. Черноволосые, малорослые и коренастые говорили на индейских языках, которых, как выяснилось, столько, что их количество сопоставимо с разнообразием человеческих языков вообще. Возможно, это были наиболее распространенные диалекты кечуа или аймара. Кажется, по-русски на этом лайнере говорили только мы с Викторией.

Я заметил, что индейцы не владели ни английским, ни даже испанским, объясняясь со стюардессами исключительно на языке жестов. Это было удивительно, учитывая тот факт, что испанский является официальным языком Эквадора. Впрочем, я надеялся повидать индейцев в этом путешествии и узнать о них побольше. Это было похоже на реализацию детской мечты о дальних странствиях.

Итак, наше путешествие началось, несмотря на отсутствие курилки в аэропорту Амстердама. Курс лежал на город Кито, столицу Эквадора, а также столицу мирового производства бананов, роз и город, по которому проходит нулевая параллель. Такой вот Гондурас.

Глава 2

Тимбилдер

В аэропорту Кито нас встречал высоченный детина с козлиной бородой-эспаньолкой. На крупном мясистом носу восседали огромные очки Рай Бан. Округлый живот обтягивала красная футболка с надписью Hard Rock cafe Istanbul. Даже если бы он не держал табличку «ВИКТОРИЯ БЕРСЕНЬЕВА, РОССИЯ, IT-shniki», мы все равно поняли бы, что парень приехал за нами.

Как узнать русского в иностранной толпе? Отсутствие улыбки? Затравленный взгляд? Ничего подобного! Люди, которые давно живут за рубежом, быстро привыкают к первому и теряют второе. Какие-нибудь шведы или норвежцы тоже не щедры на улыбки, но дело не в этом. Это скорее похоже на то, как мы отличаем высокую литературу и развлекательную. Достаточно нескольких страниц, чтобы понять, но сформулировать, в чем конкретно разница, получится не сразу. Здесь то же. Это и особое напряжение мышц вокруг рта из-за жесткости русской артикуляции, и привычка выяснять отношения на людях, громко говорить, давать подзатыльники детям, не здороваться с незнакомцами, привычка оценивать и смотреть на всех окружающих критически. А есть еще язык тела.

Парень, державший табличку, был не просто самым высоким в толпе. Красная футболка, подвернутые skinни цвета мокрого песка, наушники на шее, модные белоснежные кеды – все это не так сильно выделяло его среди остальных, как место, которое он выбрал для себя. Широко расставив ноги, парень стоял ровно посередине выхода из зала прилета, прямо перед автоматическими дверями. Людям приходилось огибать эту красно-желтую скалу, которой большинство пассажиров едва доходило до плеча, и прокладывать окольные тропы колесиками своих чемоданов. Однако молодого человека это ничуть не смущало, кажется, он вообще не замечал дискомфорта, который создал. Уникальная способность россиян в отношении другого, которую я сам смог заметить, только когда начал преподавать русский язык иностранным студентам. Пока этот самый другой не станет знакомым, близким, приятелем, он для нас либо пустое место, либо чужой. Третьего не дано. Встречавший парень предпочитал не замечать мельтешивших где-то внизу пассажиров, зато нас он выделил из толпы так же безошибочно, как и мы его.

– Добро пожаловать, Виктория и Александр! Очень рады! Меня зовут Анатолий. Первый раз в Эквадоре? – радушно заулыбался айтишник, демонстрируя такую же белоснежную, как и его кеды, улыбку.

– Нет, каждый год на каникулы прилетаем, – проворчала заметно позеленевшая к концу полета Виктория и направилась к выходу.

Глаза парня поползли под веки, но он мгновенно взял себя в руки и снова растянул рот в заученной улыбке.

– Вам заапрувили не обычное такси, а «Кадиллак Эскалейд», – значительно проговорил айтишник.

– За... что? – переспросила Виктория.

– Заапрувили, – беззаботно повторил парень, показав на стоящий у выхода джип представительского класса, похожий на огромного черного майского жука.

Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу. Первый же диалог, и сразу такая лажа. Я толкнул Викторю в бок и проговорил шепотом:

– От английского слова «approve» – одобрять. Айтишный сленг.

– А нельзя сказать просто: подтвердили? – злым шепотом поинтересовалась Вика.

– Учи матчасть, – посоветовал я, забираясь на заднее сиденье.

Впрочем, это были лишь незначительные первые брызги, настоящей волной айтишного языка нас накрыло на следующий день.

Виктория плюхнулась рядом со мной. Анатолий уселся впереди. Из аэропорта до Кито таксист домчал нас минут за сорок. Сначала мы ехали вниз, потом поднимались между горами, увешанными тропическими лианами и растениями, названий которых я не знал. Из романов Майн Рида вспомнились слова «пальметто» – что-то вроде карликовой пальмы с оперением в форме павлиньего хвоста – и агава. Все остальное зеленое братство, яростно пробивавшее себе жизнь в скалах и окрестных долинах, было для меня пока безмянным, и от этого я чувствовал себя не в своей тарелке.

– Круглый год здесь тепло, но не жарко, вокруг постоянно столько зелени, что кажется, она растет в несколько слоев, реально нет голой или выжженной земли, то есть совсем, от слова «вообще»! – сообщил зачем-то Анатолий то, что и без объяснений бросалось в глаза.

Оказалось, что аэропорт столицы Эквадора находится на одном плато, а сам Кито расположен на другом – три тысячи метров над уровнем моря. Вокруг величественные Анды из учебника географии – самая длинная и самая высокая горная система на Земле.

Все время пути наш провожатый изображал из себя ожившую Википедию. Из его гладкой речи – кажется, он читал с телефона – я запомнил только то, что головная боль в первые несколько дней адаптации – это нормально, и первое время даже подъем по лестнице будет вызывать проблемы с дыханием, потому что воздух здесь разрежен. А если в глазах лопнут сосуды, паниковать тоже не стоит, через пару-тройку дней все устаканится. Как и было условлено в нашей легенде, парень называл Викторину менеджером по продажам.

На самом подъезде к городу нас вдруг обогнало странное транспортное средство. Это был разрисованный школьный автобус, от салона которого остались только металлический каркас и крыша. Автобус был полон людей. Если бы мы попытались перевести на испанский язык выражение «как селедки в бочке», то местные жители узнали бы этот светящийся и громохочущий драндулет, внутри которого в тесноте, да не в обиду народ зажигательно отрывался под Рики Мартина. Автобус библикал всем подряд, а его пассажиры бесстрашно высовывались по пояс на полном ходу.

– Мы называем это явление шайтан-автобус, – серьезно пояснил Анатолий. – Не удивляйтесь. Каждую пятницу и по праздникам эквадорцы ездят по городу и предлагают выпить тем, кто им понравится.

– Выпить? – усомнились мы с Викой хором.

– Точно. Рядом с местом водителя прикручена десятилитровая бутылка, где отдыхающие бодяжат текилу и разные фруктовые напитки. Иногда получается прикольно, иногда – полное дерьмо. Я пробовал. В принципе остальные лоховозки здесь не сильно отличаются от шайтан-автобуса, только без музыки и без алкоголя.

– Лоховозки? – переспросила Вика.

– Я имею в виду общественный транспорт. – Парень повернулся к нам и иронично изогнул бровь, мол, между нами, вы же меня понимаете.

– А сам ты на чем едешь? – решил прояснить я.

– О, в самом Кито дороги неплохие, – парень принялся объяснять с видимым удовольствием. – Но чуть отъедешь в сторону, и появляется множество грунтовок, и знаете, в этой ситуации меня очень радует простой японский автопром южноамериканского разлива. У меня «Тойота Ярис» седан на автомате. Вроде бы машина «Б» класса, но она выгодно отличается от опробованных мной ее одноклассников. А таких немало.

Вот это да! Он не читал! Он так разговаривал, как будто составлял текст для пафосного рекламного объявления. Я посмотрел на Анатолия внимательнее: небольшие глазки на раскормленном лице поблескивали хитро. Интересно, в ближайшие десять минут он скажет слово «позитивный» или хотя бы пару-тройку прилагательных в превосходной степени?

– Вы только не удивляйтесь завтра, когда придете на работу. У нас в офисе есть некоторые... мм... порядки, – продолжил наш провожатый.

– Простите, Анатолий... – начала Вика.

Но парень тут же поправил ее:

– Анатолий. Прошу прощения, это нерусское имя.

– Нерусское? – делано изумилась Вика.

– Мой дед был из ссыльных поляков, и хотя я вырос под Самарой, в нашей семье сохранились традиции, – заявил Анатолий с гордостью.

Мы с Викой переглянулись. На некоторое время повисла тишина.

– Не смущайтесь, вы меня не обидели, – проговорил потомок ссыльных поляков с французским именем, которое он, кажется, считал польским.

Голос его снова звучал дружелюбно.

– А какие обязанности у вас в офисе, Анатолий? – поинтересовалась Вика, пропустив последнее замечание мимо ушей.

– Я тимбилдер, – заявил парень.

– Что это значит? – тупила Вика. Думаю, ей тоже стало интересно, действительно ли с этим чуваком что-то не так или мы просто устали с дороги. Сомневаюсь, что слово «тимбилдер» было ей, неплохо владеющей английским, незнакомо.

Анатолий посмотрел на нас изумленно, мол, ну вы даете, ребята, но сочтя, наверное, что у продавцов свои причуды, пояснил:

– Тимбилдинг – это от английских слов «команда» и «строить». Что-то вроде строительства отношений. Вот. В общем, не суть.

– А в чем суть? – Вика приподняла бровь и даже наклонилась вперед, стараясь встретиться с парнем глазами в зеркале заднего вида.

– Суть в *позитивном* климате, который я создаю в коллективе...

Позитивный – раз.

– То есть вы психолог? – перебила Вика.

– Хорошо, пусть будет психолог! – снисходительно согласился Анатолий, явно не намереваясь спорить с этим динозавром человеческой цивилизации, не знающим волшебных слов-заклинаний современного бизнес-мира.

– Тут полная толерантность и позитивность, как видите, – проговорил Анатолий, показывая на костел и мечеть, стоящие недалеко друг от друга на одной улице.

Позитивность – два.

Мы уже ехали по Кито. Однако удивило нас не это соседство, в России таких примеров толерантности тоже немало. Тут было другое. Прямо напротив костела на желтой кирпичной стене в огромном граффити-сердце зависли два имени: Карлос + Диего. Я прочитал еще раз. Нет, ошибки быть не могло: два мужских имени смотрели прямо в окна правого нефа культового католического сооружения.

– Я же говорю – позитивность и толерантность, – проследил за моим взглядом Анатолий и широко улыбнулся толстыми масляными губами, которые выглядели так, будто он на бегу съел парочку куриных крыльев из фастфуд-кафе и забыл воспользоваться салфеткой.

Уже через десять минут мы оказались в центре Кито рядом с нашей гостиницей, где Анатолий проявил чудеса и позитивности, и толерантности. Пока мы вдвоем с таксистом корячились с тремя чемоданами и двумя сумками – куда только Вика набрала столько нарядов? – тимбилдер стоял в стороне, сложив руки на груди, наблюдая за нами с видом радостным и беспечным.

– А что вы говорили про порядки в офисе? – подошла к нему Виктория.

– Завтра все увидите, – загадочно улыбнулся Анатолий и протянул мне небольшую белую карточку. – Завтра вас подключат ко всем корпоративным чатам и выдадут местные симки. Связь здесь дорогая, так что роуминг лучше отключите. Завтра и послезавтра у нас послед-

ние рабочие дни перед длинными выходными. Впереди четыре дня отдыха, так что приходите, познакомьтесь, осмотритесь. А сейчас отдыхайте, у вас удобнейшие комфортабельные апартаменты.

Удобнейшие – три. Пасьянс сошелся.

Попрощавшись, парень быстро скрылся за гигантским развесистым деревом с необъятным стволом, которое занимало не меньше половины скверика прямо напротив нашего дома. Названия дерева, как и всех остальных растений, которые попались нам сегодня на пути, я не знал. Умная Алиса, для которой я сфотографировал это тропическое величие, судорожно, но безрезультатно шарилась по закрамам своей электронной памяти, подобно заправскому наркоману впадая в роуминговый экстаз. Помня о предупреждении Анатоля, я отменил запрос и отключил роуминг.

Оказывается, в моей голове помещается целый гербарий, о существовании которого до этого момента я даже не подозревал. Он включал цепь ассоциаций. Скажут, к примеру, «бордовая дачная астра высунула свою любопытную лохматую голову в щель между досками шербатого забора нашей соседки тети Кати» – и все, образ готов. Тут тебе и дачный поселок, и цветник, разбитый бодрой дебилой пенсионеркой, петух у забора горланит, мухи жужжат, стрекозы машут радужными крылышками, хозяева на веранде пьют чай. А если я услышу: «рыжиков собрали в ельнике видимо-невидимо», и за шиворотом станет будто сыровато, как если бы разлапистая кряжистая ель стяхнула под свитер утреннюю росу.

Сейчас же я совершенно четко ощущал себя не в своей тарелке, потому что не знал даже самой базовой информации об этом незнакомом и удивительном мире вокруг.

От размышлений и безрезультатной возни с телефоном в поисках ответа меня отвлек вопрос Виктории. Оказывается, она тоже следила за речью Анатоля и считала слова: кое-чему я у нее научился за годы совместной работы.

– Он сказал: удобнейшие комфортабельные апартаменты? – Она сделала круглые глаза. Мы переглянулись.

– М-да, полный позитив, – вздохнула Вика.

В общем, если судить по их масовику-затейнику, в этой фирме работает странный народ.

Глава 3

Джетлаг

На следующий день мы не увидели ни самих айтишников, ни их офиса, ни города, потому что все наши планы разрушил джетлаг. А если по-русски – рассинхронизация, да простят меня греки за дополнительные приставки к слову «хронос». Наш с Викой собственный хронос так серьезно не совпал с часовым поясом Эквадора, что размазало нас конкретно. Нахождение на высоте в три тысячи метров ситуацию нисколько не облегчало, а как раз даже наоборот. Лопнувшие сосуды в глазах, одышка, сонливость и головная боль оказались только верхушкой айсберга. Ближе к вечеру я нашел силы выползти до небольшого магазинчика в конце нашей улицы имени какого-то местного чувака Карлоса Тобара. Обрато я вернулся с трудом: ноги казались слоновыми, голова кружилась.

– Кислородное голодание, – констатировала Вика.

И пожаловалась на свои неприятности:

– Все, я осталась без тоналки, без шампуня и без бальзама для волос! – Ее огромная косметичка не пережила нашего путешествия, равномерно окрасившись в цвет детской неожиданности: несколько полиэтиленовых тюбиков взорвались, не выдержав перепада высот. Кремы, шампуни, какие-то бальзамы неведомого назначения, лосьоны с маслами, масла с лосьонами, тени, гели: все это смешалось в сладко благоухающую массу, сильно портившую Виктории настроение.

Я мог только пожать плечами. Три тысячи метров над уровнем моря – пожалуй, не так много найдется на Земле мест, где атмосфера имеет столь же маленькую плотность. Пожалуй, еще Перу, Боливия да Непал. Любому ясно, что китайские тюбики раздует, как иглорота на поверхности моря. Элементарная физика, но Вика продолжала ныть, поэтому я старательно делал сочувственное лицо и многозначительно кивал.

Для любого среднестатистического жителя средней полосы России фраза «я полетел в Эквадор» сродни, наверное, фразе «я полетел на Луну» или «я собираюсь погрузиться в Марианскую впадину». Есть такие места, до которых жителям средней полосы России так же мало дела, как до планеты Плутон. Однако в первый же день в Южной Америке мы убедились, что дело не только в крайней удаленности этого континента. Эквадор и вправду оказался как будто другой планетой.

В это сложно поверить, но по поводу косметики Виктория утешилась ошеломляюще быстро. Причиной тому стал наш кухонный кран.

– Что ты делаешь? – удивился я, заметив, что она минут пять стоит у раковины и задумчиво переключает воду.

– Ничего не замечаешь?

Вика выглядела озадаченной.

Я подошел и уставился туда же, куда и она: на дно обыкновенной хромированной раковины.

– Видишь? – прошептала Вика.

– Что? – так же шепотом уточнил я.

– Вода...

Она снова включила воду на полную мощность, дождалась, когда дно покроется двумя сантиметрами жидкости, и перекрыла кран.

Мне вспомнился эпизод про великого сыщика Шерлока Холмса, когда Ватсон обнаружил, что его гениальный друг не знает того факта, что Земля вращается вокруг Солнца. Мне

показалось, что Виктория прикалывается, пародируя этот момент, но она продолжала стоять и тупо тарашиться на струю воды.

– Елки-палки, Вика, ты серьезно?

– Что серьезно? – искренне удивилась она. – Ты же тоже это видишь!

– Что вижу? Что вода, сливаясь, закручивается наоборот?

– Да! Против часовой стрелки.

Я расхохотался.

– Вика, ты, конечно, блондинка, но не настолько же! Словосочетание «сила Кориолиса» тебе о чем-нибудь говорит?

Вика отошла от раковины, по-кошачьи попятилась к столу и уселась с ногами на один из плетеных стульев.

Кухня, она же гостиная, в наших удобнейших апартаментах, как выразился Анатолий, была довольно приличного размера, человек десять здесь могли разместиться запросто. Общая кухня, две небольшие спальни, центр города, пять минут пешком до офиса айтишников – все это мы согласовали еще будучи в России, и айти-гении не обманули.

Вика молча ждала своего низвержения.

– Сила Кориолиса закручивает водяные потоки и потоки ветра в противоположные стороны в Северном и в Южном полушарии. Это знает каждый школьник.

Виктория сощурилась.

– А где ты весишь больше? На экваторе или на полюсе? – не удержался я, понимая, что словосочетание «центробежные силы» забыто моей теткой так же прочно, как и Кориолис.

– На полюсе? – не слишком уверенно ответила она.

– Ага, почти на килограмм будет разница. А про температуру кипения воды что ты знаешь?

– Это экзамен?

– Это экспресс-курс физики для выживания!

– Ок, ну и что там про температуру кипения?

– Чем выше от уровня моря, тем температура кипения ниже.

Вика вздохнула.

– На сколько тут?

– Градусов на десять.

– То есть чайник в Кито кипит при девяноста градусах?

– Точно.

Мы немедленно провели эксперимент, и кипяток действительно оказался менее обжигающим, чем обычно. В общем, я сполна отомстил ей и за курилку, и за самолет. А она придумала мне новую кличку.

Старая была доктор Айболит: так Вика называла меня из-за того, что я год отучился на ветеринара, решив поменять словесные изыски филфака на реальное дело. Однако роман с медициной оказался хоть и ярким, но кратковременным, и кличка быстро устарела². Потому что если уж ты попался в словесные сети, то, скорее всего, навсегда.

Теперь за успехи в естественных дисциплинах она торжественно пообещала звать меня Паганель-Кориолис, в честь знаменитого физика а также гения-ученого из романа Жюль Верна, обозначив этим именем двойственную природу моих отношений с миром.

Однако кроме физических законов нам в этот вечер предстояло испытать и один культурологический закон, который гласил: «Самовар на стол, гость в дом». Даже в Эквадоре, который отродясь о самоварах не слыхивал, это правило сработало. Как только мы разлили чай и

² Подробнее читайте об этом в романе Татьяны Шахматовой «Удар отточенным пером».

достали то, что мне удалось раздобыть в магазинчике, в дверь позвонили, и на пороге появился ни много ни мало сам Павел Кнопкин.

Глава 4 Онсайт

Владелец многомиллионного состояния выглядел гораздо скромнее тимбилдера Анатоля. Павел Кнопкин носил скромные джинсы, черный пиджак и поло с логотипом его же фирмы. Рядом с логотипом красовалось пятно от какого-то соуса. Короткие светлые волосы топорщились ежом, как и во время сеансов связи с нашей медленной интернет-точки, но теперь мы наконец смогли рассмотреть его лучше.

Павел оказался моложе, чем мы предполагали: максимум лет сорок. Ни красавец, ни урод. Слегка опущенные книзу уголки глаз придавали его лицу как будто слегка обиженное выражение. Но это было только первое впечатление. По одежде и неизменным очкам в толстой оправе можно было сделать вывод о том, что перед нами мужчина, живущий в мегаполисе и зарабатывающий на жизнь интеллектуальным трудом. На образцово-показательного миллионера Павел не тянул.

– Простите, что не дал отдохнуть, но завтра днем я должен быть в Торонто на заседании совета директоров, – с места в карьер начал Кнопкин и смущенно улыбнулся. Умные глаза сверкнули из-под очков, говорил он негромко, речь с небольшим акцентом. Даже не с акцентом, а с легким едва различимым призвуком, как у человека, давно живущего за границей и ведущего дела на неродном языке.

Сразу после приветствия Павел удивил. Он прошел напрямик к ванной комнате, открыл дверь и заявил:

– Тетрис, журналы и мягкий коврик. Я считаю, что даже в туалете надо проводить время качественно.

Мы молча ждали продолжения, и Павел не заставил себя упрашивать.

– Я всегда мечтал создать собственное дело. Но знаете, эта концепция, что мы работаем, чтобы жить, она меня всегда угнетала. Я сам из Бобруйска. Не лучший город для старта, я бы сказал – настоящая гиря на ногу. Знаете, где это?

– Это в Белоруссии, – отозвалась Виктория, поедая нечто, что продавец в магазине называл эмпанадильей. Вроде нашего чебурека: жареное тесто и мясо внутри.

Она предложила нехитрое угощение гостю, но Павел отказался. Как я и предположил по пятну, он недавно поел.

– В Эквадоре дают тридцать лет тюрьмы за махинации с продуктами, – заметил он, видимо, намекая на то, что эмпанадилья пришлась нам по вкусу не зря. И продолжил свой рассказ: – После вуза я выиграл несколько международных стипендий для аспирантов. Учиться было легко, а вот воспоминания о том, что стажировка кончится и придется вернуться обратно домой, лежали грузом на душе... Я пошел в аспирантуру, чтобы не работать, понимаете? То есть не работать, как моя мать: ежедневная кабала, непосильная ноша, фактически рабство за пропитание... Но я не защитился, ушел в бизнес.

Виктория вежливо улыбнулась и попыталась вернуть Павла к теме нашего приезда в Кито:

– Значит, Павел, в вашей фирме все продумано до мелочей. Работается легко?

Кнопкин почему-то смутился, покраснел, взялся за чашку с чаем, как будто ему была нужна точка опоры, но пить не стал.

– Зовите меня Паша, – сказал он наконец. – Так привычней. А работается у нас и правда легко. Если бы мои работники занимались только работой... Бизнес-анализ – это... это... Как бы вам объяснить? Это как работа на конфетной фабрике. Даже если очень любишь сладкое,

все равно начнет подташнивать. Поэтому я постарался предусмотреть все для моих сотрудников.

«Ага, так вот к чему был мягкий коврик и тетрис в туалете», – подумал я. Видимо, тимбилдер Анатолий тоже для этого – разбавить интеллектуальный труд песочными штанишками.

– В чем-то мы даже круче Гугла, – продолжал Павел. – Вы же понимаете, современная молодежь – это поколение игрек, миллениалы. Они хотят драйва, хайпа. Рамки, границы, оковы – не для них. Я сам такой, поэтому работаю только с молодежью. И вдруг такой удар... До сих пор не укладывается в голове.

– Понимаю, – Виктория устало улыбнулась.

По лицу гостя пробежала тень то ли ужаса, то ли сочувствия. Вообще-то Виктория красивая женщина, но сегодняшний вечер был не лучшим для приема гостей. Тетка отвела красные, как у кролика, глаза, извинилась и ленивым жестом водрузила на нос темные очки.

Раньше я думал, что она настоящая ледяная королева, но не так давно мне удалось раскусить мою родственницу. По части любовных романов она не очень, а вот искусством очаровывать владеет в совершенстве. Наверное, даже получает какое-то свое удовольствие, сродни актерскому. Но сегодня, как я уже сказал, был явно не ее день. Сегодня был день джетлага, и ничто не могло поспорить с физическими законами, бурно влиявшими на физиологию и даже анатомию, если принять во внимание наши распухшие, как после хорошей пьянки, фейсы.

Паша смутился, принялся неловко извиняться, раза три помянув, что день, конечно, неудачный, но другого варианта все равно нет: завтра последний рабочий день, последнее общее собрание перед тем, как вся фирма поедет на океан.

На океан?! На Тихий океан?! Я так восхитился, что на секунду потерял нить разговора.

– Я специально подгадал так, чтобы вы могли познакомиться с ребятами в последний рабочий день. Тридцатого октября Эквадор празднует День независимости от Испании, который плавно перетекает в праздник Мертвых, в итоге получаются четырехдневные каникулы. Самое удачное время: команда уедет, работа остановится, у вас как раз будет время прочитать их переписку, сделать свои выводы, а потом они вернутся и снова начнутся сливы...

Все ясно: напрасно я раскатал губу. Хватит с нас межатлантического перелета. Океан не запланирован.

– Если мы уже не вычислим крысу к тому времени, – самоуверенно улыбнулась Виктория. Со стороны это смотрелось эффектно.

Но Паша прореагировал лишь слабым кивком и откинулся в кресле, вытянув ноги, в результате чего открылись нелепые персиковые носки с самолетиками на голенище, которые совсем не сочетались в моем представлении с образом долларового миллионера.

– Я так много о вас слышал, Виктория Берсеньева, – снова ни с того ни с сего перевел тему директор айтишников. – Читал вашу монографию про типы речевых угроз, про манипуляции и способы саботажа коммуникации...

На этом месте я подавился своим пирожком. Кажется, даже Виктория удивилась: нервно откинула волосы и дернула плечом. Встретить человека вне научной среды, который в состоянии произнести название ее монографии, – случай нетривиальный.

– Вы подготовились к встрече, – улыбнулась она и захлопотала возле чайника. – Еще чаю или, может быть, кофе? Правда, только растворимый.

Павел кивнул неизвестно чему и продолжил о своем, о наболевшем:

– Я перепробовал все, но эта крыса как будто не оставляет следов. Моя система безопасности сбита с толку. О том, что это все-таки живой человек из плоти и крови, говорят только два момента. Во-первых, информация оказывается у конкурента. А во-вторых, это кто-то из моих ребят.

– Почему именно из ваших?

– Потому что больше никому. Документация попадает к японцам не всегда в финальном виде. А это значит, что крыса ворует документы, когда они находятся на согласовании у моей команды.

– Есть кто-то, кого вы подозреваете больше остальных? – поинтересовалась Виктория.

Паша горько вздохнул.

– Всех подряд, если честно. Я этих ребят сам переманивал из других компаний или наоборот – брал с институтской скамьи, мы много лет вместе. Начинаю проверять подозрения, разубеждаюсь, ненавижу себя... Их ненавижу. Остается осадок, понимаете? В этой команде новичков нет, меньше двух лет никто не работает.

– А утечки только на этом проекте?

– Мы впервые с таким столкнулись. Параллельно с нами в «Гранде-Трафико» работает японская фирма «Dokumento denki». Они тоже онсайт, так что задачи и баги друг друга видим.

Виктория наморщила лоб.

– Dokumento denki с японского переводится как «Фабрика документов», – пояснил Паша, решив, что дело в японских словах.

Я посмотрел на Вику. Вряд ли она представляла всю глубину языковой пропасти между айтишником и филологом, когда бралась за это дело. Хорошо, что у нас в команде все же имелся один человек, увлекавшийся не только филологией, но и железом.

– ОНСАЙТ – дословно «на сайте», то есть у заказчика, в Эквадоре, – пояснил я. – А БАГИ – это ошибки.

Вика изумленно подняла брови.

– Как странно. Вообще-то «сайт» – это интернет-страница. То есть что-то виртуальное. Почему onsite – у вас обозначает реальную работу? Как будто вы вывернули слово наизнанку.

Павел усмехнулся:

– Вообще-то site – это место по-английски. То есть на месте. Виртуальная реальность подворовывает слова, когда не успевает придумать собственные, иногда возникают накладки.

Виктория почему-то рассмеялась. Павел же положил на стол локти и наклонился к ней, говоря почти доверительным шепотом:

– Японцы очень плохие аналитики, это известно всем. «Документо денки» – единственная фирма, которая вырвалась за пределы Японии в области бизнес-анализа. И вот, видимо в духе кодекса бусидо, они немедленно занялись промышленным шпионажем.

– При чем здесь кодекс самурайской чести? – поинтересовалась Вика совершенно серьезно.

Паша задумался.

– Это шутка, – пояснил он после пары секунд колебаний.

Вика поджала губы.

– И что же, эти «Документо денки» спят и видят, чтобы захватить ваши... онсайт-задачи целиком?

– Совершенно точно.

– Ясно. И какова цена вопроса?

– Огромная: «Гранде-Трафико» – фирма, которая обслуживает не только Эквадор, но и другие страны Латинской Америки. Сейчас у нас идут проекты в Гватемале, Мексике, Гондурасе и Боливии.

После минутного молчания Виктория проговорила:

– Это самое странное дело в моей практике.

– Как и в моей, – пожал плечами айтишник.

Их дальнейший разговор напоминал игру в пинг-понг.

Естественно, подача Павла была первой:

– В обеих комнатах, где сидят мои ребята, стоят видеокамеры.

- А в коридоре?
- У них компьютеры, а не ноутбуки. Они не могут выйти с ними в коридор.
- Система безопасности?
- Все случаи передачи информации с компьютеров фиксируются.
- А распечатать?
- Возможно только на компьютере лида, то есть руководителя проекта, он под камерой.
- А если скопировать в какой-то файлообменник и потом...
- Я же сказал – система безопасности.
- Взломать безопасность?

Мячик пинг-понг разговора вылетел за пределы стола. Вика не отбила. Паша посмотрел на нее, как на идиотку, но сделал новую подачу и продолжил игру:

- Если бы кто-то взломал мою систему безопасности, я бы знал.
- Исключений быть не может?
- Я сам хакер.
- Вы так уверены в том, что вас не проведут?

Паша улыбнулся и снова сверкнул из-под очков умными грустными глазами:

– Я лучший из всех, кто на меня работает. А на меня работают самые лучшие, уж поверьте мне. Иначе ни вас, ни меня тут бы не сидело.

Вика улыбнулась.

– Что же тогда получается, мы ищем человека с феноменальной памятью, который запоминает информацию прямо с экрана?

– Хотел бы я на такого взглянуть, – скривился Паша. – Но вы, возможно, очень близко на самом деле. Я думаю, что кто-то из них незаметно фотографирует экран.

Пауза длилась несколько долгих секунд.

– Простите?! – наконец выдохнула Вика.

Ее возмущение было вполне понятно. Если все так, как говорит заказчик, достаточно повесить в комнате скрытые камеры – и вор в ловушке.

– Нет, ни в коем случае, – энергично замотал головой Павел. – Камеры стоят, но есть несколько слепых зон. А ставить новые я сейчас не решаюсь – боюсь спугнуть крысу. У этого человека по-настоящему звериный нюх. Думаю, что при таком уровне подготовки даже скрытая камера не будет для него секретом. Тогда крыса может залечь на дно.

Павел шумно вздохнул. Глядя на него, можно было с уверенностью сказать, что нюх в этом коллективе не только у крысы: директор раздувал ноздри и водил головой, как будто сам по-звериному принюхивался и готовился атаковать. Мысли о воре, без сомнения, доставляли Кнопкину серьезный дискомфорт.

Виктория кивнула и что-то записала в свой ноут. Я сидел рядом и прекрасно видел, что это были только два слова: «ТЯЖЕСТЬ» и «СПУГНУТЬ».

Паше тоже очень хотелось прочитать, но тогда ему пришлось бы встать. Он сделал было движение корпусом вперед, но отчего-то передумал и остался на месте.

– Все понятно, – проговорила наконец Виктория.

Паша снова откинулся на спинку стула:

- Что понятно?
- Метод анализа в общих чертах понятен.
- Что за метод?
- Скоро, думаю, все узнаем.

Она захлопнула крышку ноутбука. Однако отпугнуть директора айтишников закрытым компом оказалось не так просто.

– Так как называется метод? – поинтересовался он, перекладывая ногу на ногу и снова демонстрируя свои невероятные носки.

– Дерево вариаций, – и Вика демонстративно зевнула. Впрочем, намек был снова проигнорирован. Поняв, что Паша совершенно искренне приготовился слушать, тетка добавила: – Я вам напишу подробнее. Сейчас мне надо подумать и немного отдохнуть.

Наконец до нашего гостя дошло, он снова смутился, неуклюже засобиравшись, предварительно вручив нам флешку со всеми переписками сотрудников в корпоративном чате, резюме и данными их социальных сетей.

– Завтра у нас будет совещание по скайпу. Жду вас тоже, – пробормотал он, вставая. – Да, совсем забыл, – спохватился Паша уже в коридоре. – Здесь некоторая сумма – это на повседневные расходы. Цены в Кито неоправданно высокие, скоро сами убедитесь. Страна бедная, поэтому здесь, в столице, в центре делового Сити, мы платим за возможность жить в своеобразном пузыре. Покидать этот пузырь я вам настоятельно не рекомендую. Кито – не самое безопасное место. Если куда-то соберетесь, посоветуйтесь со мной, или можете обратиться к вашему квартирному хозяину, он прекрасно говорит по-английски, его зовут Хорхе.

Виктория протянула было руку, чтобы взять конверт, но Паша неловко отодвинул ее, молча прошел обратно к столу и пристроил деньги рядом с компьютером.

– Да. – Он резко повернулся от порога. – Приблизительно в пять утра вы проснетесь. Ни в коем случае не поддавайтесь желанию встать. Постарайтесь снова уснуть.

После этого предостережения, прозвучавшего почти зловеще, Павел Кнопкин попрощался повторно и наконец отбыл.

Глава 5

Грамматика чувств

– Компьютерный задрот, – сказал я, когда за директором айтишников закрылась дверь.

Вика фыркнула:

– Это очевидно. Что еще?

– Ну еще ты написала слова «ТЯЖЕСТЬ» и «СПУГНУТЬ». У меня есть кое-какие догадки, но, может быть, ты сократишь время?

Виктория встала, прошла к окну и захлопнула открытую настежь створку. Солнце давно село за гору, город сиял ночными огнями, а с улицы дохнуло неожиданным холодом.

– Какой перепад температур тут, однако, днем было не меньше двадцати пяти, – поежилась она, извлекая из чемодана кофту и поспешно одеваясь.

Я уже заметил, что обогревателя, как и центрального отопления, в наших удобнейших апартаментах нет.

– Тяжесть – это Бобруйск, – сказала Виктория и замолчала.

Конечно! Прекрасное объяснение! Что тут еще добавить нашему лингвистическому Ниро Вульффу и самому ужасному педагогу в мире.

– Спонтанные речевые реакции приводят его в растерянность, – вдруг продолжила Вика, приглашая к дальнейшему обсуждению. – Скорее всего, занимался не с живыми учителями, а по книгам. Тренированная память, привык запоминать большие объемы информации. С живым общением явно проблемы. Эдакий Моцарт от программирования, но в остальном – как будто вчера родился.

– Типичный случай, – заметил я, вспомнив многих и многих своих знакомых компьютерщиков. К сожалению, ни одного миллионера среди них пока не числилось, но почти для каждого – от домашнего сидельца-фрилансера до сисадмина в какой-нибудь фирме – подходило определение, явившееся мне в результате случайной опечатки: айтишник-аутишник. Да, все мои знакомые компьютерщики ведут довольно замкнутый образ жизни и имеют специфический круг знакомств. Но Виктория тут же возразила сама себе:

– Типичный, да не типичный. При таких, мягко скажем, скромных навыках общения товарищ перебрался из Бобруйска в Канаду, организовал собственную фирму и более десяти лет остается ее бессменным директором.

– Почему Бобруйск – тяжесть? – поинтересовался я.

Вика посмотрела с удивлением и недоумением, как, наверное, взглянула бы антилопа на черепашу, если бы та предложила пробежать стометровку наперегонки.

– Он сам несколько раз это сказал. В теории номинации известен «закон двух миров». Видимый и ассоциативный. Линии сходства держатся языком «в секрете», но происхождение слов или их связи друг с другом многое открывают. Скажем, *стыд* происходит от *студ*, *стужа*, то есть для тех, кто говорит по-русски, ощущение стыда сравнимо с ощущением холода, понижающего тело. Или, например, сочетаемость с другими словами. *Огонь и любовь* могут вспыхивать и угасать. *Взгляд и камешек* можно бросить, поймать, перехватить. *Мысли*, как люди, могут приходить, не покидать, преследовать. Бобруйск у Паши – это гиря на ноге, тяжелая ноша и груз на душе. Грамматика чувств раскрывает эмоции, которые человек скрывает или даже не осознает. Почему-то ему тяжело вспоминать родной город, и при этом он у него постоянно всплывает. Скорее всего это не имеет отношения к делу, но не отметить я не могла.

Она помолчала и продолжила:

– А теперь самое интересное. Паша приехал из Торонто специально, чтобы встретиться с нами.

– У него тут проблемный филиал фирмы, – напомнил я, но Вика отрицательно помотала головой.

– На фирму он даже не заглянул. Не получается по времени. Судя по расписанию рейсов, он прилетел в семнадцать часов. Это был регулярный рейс, потому что на его рюкзаке наклейка на ручную кладь американских авиалиний. Пересаживался в Майами. Сейчас девятнадцать тридцать. Приехал к нам он в седьмом часу. Вчера мы ехали из аэропорта около часа, значит, он явился прямиком сюда, даже не заехал сменить испачканную одежду, хотя у него здесь есть служебная квартира. Ехать сейчас на фирму уже нет смысла, все разошлись, а завтра с утра Павел должен быть в Торонто, то есть обратно летит сегодня ночью. Вот и я спрашиваю – зачем? Он мог прекрасно обсудить все с нами по скайпу, как делали до этого, а информацию о ребятах передать по почте.

Здесь она права. Наш технологичный мир дает возможность комфортного общения на любом расстоянии, а личная встреча – это что-то сродни игре на раздевание. Если директор айтишников опасался, что его почту могут взломать, то почему не отправил данные с фейкового аккаунта? Загадка.

Вика уже достала ноутбук и вставила флешку.

У Павла действительно работала исключительно молодежь с просторов развалившегося Союза: коктейль «Затупившийся серп и проржавевший молот».

Анатолий, как он и сказал, был родом из промышленного городка Чапаевск под Самарой, который никак не ассоциировался с глуповатыми толстопузыми бородачами типа хипстеров, но факт оставался фактом.

Были еще Михаил из Полтавы, Евгений из Москвы, Олег из Нижнего Новгорода, Петр из Новосибирска, Рустем из Казани, Искандер из Минска, москвички Анна и Камилла. Лиля тоже из Казани. Роксана – из Киева.

Все выглядели симпатичными, жизнерадостными, модными.

Я вдруг вспомнил про персиковые носки с самолетиками. Не знаю почему, но мне казалось, что это какой-то важный симптом. Вика выслушала меня безо всякого интереса:

– При чем тут носки?

– Как думаешь, у него есть семья? – спросил я.

Виктория пожала плечами:

– Не знаю. Наверное. Тут сказано, что ему тридцать восемь лет. Он богат, красив...

Красив?! Человек, которому можно без грима играть грустного французского мима?! Впрочем, долларовый миллионер, создатель компьютерной империи, наверное, должен казаться женщинам привлекательным.

– Если бы ты была женой Паши Кнопкина, ты бы разрешила ему надеть на деловую встречу такие дурацкие носки?

Виктория нахмурилась. На лице ее отобразилось удивление. Впрочем, возможно, она права: в современном обществе гендерные роли настолько перемешались, что не до носков.

Вместо ответа тетка открыла файл директора – видимо, ради чистоты эксперимента он записал в число подозреваемых и себя тоже. Фотограф был молодец, всеми возможными средствами постарался превратить Пашин недостаток – опущенные уголки глаз – в достоинство. Фотография была сделана немного сверху, при сложном свете, в результате чего у Кнопкина появился пронзительный строгий взгляд и выразительные скулы.

– Безусловно, человек с судьбой, – сказала Виктория, разглядывая фото.

Судьба у таких ребят обычно шла по одной простой схеме. Родители отправили умного мальчика учиться за рубеж, где он зря времени не терял, пробивался своими мозгами, примкнул к команде хакеров, взломал с десяток-другой ресурсов, срубил на этом деле бабла, а чтобы бабло отмыть, создал фирму, легализовался...

– Кстати, почему он Паша? Не Павел Николаевич, не Павел...

– Слава богу, что не Павлик, – скривилась Виктория и добавила: – А семейное положение тут, кстати, нигде не указано. Только фоточки-фоточки и данные с сайтов его компании.

– Про слово «СПУГНУТЬ» тоже небезынтересно, – напомнил я.

– В этой эквадорской команде всего одиннадцать человек, – проговорила Вика, одновременно пролистывая резюме ребят. – Для многотысячной корпорации – сушая ерунда. Этот Паша мог бы просто распылить ребят по другим проектам или уволить всех, но ему важно именно поймать крысу. Посмотреть ей в глаза – это же явно что-то личное. Хотя, может быть, он просто мстительный урод и собирается скормить вора амазонским пираньям. Что мы можем о нем знать на самом деле? Нужны еще данные.

Наконец мы отправились досыпать то, что украл джетлаг, а я получил свое первое задание на этом проекте. Ох, как удивился бы наш работодатель, если бы узнал, что нанятый им эксперт первым делом решил проверить его самого! Вика поручила мне собрать все публикации о Павле Кнопкине в интернете за последние десять лет.

Глава 6

Дерево вариаций

– О чем, например, говорит частая смена работы? – Я аж вздрогнул. Не очень-то ожидаешь в шесть утра по дороге в туалет столкнуться с таким вопросом.

Вика сидела за столом на кухне, завернувшись в плед по самый подбородок, и согревалась кофе, аромат которого только сейчас достиг моих полусонных рецепторов. Пахло неплохо, но не действовало: мысли о сне были слаще и ароматней.

– Хуан Вальдес – местный бренд, говорят, лучший во всей Латинской Америке, – блеснула новыми познаниями Вика.

– Тебе же было сказано не вставать в пять утра, а то козочкой станешь!

Виктория только махнула рукой:

– Так о чем нам говорит частая смена работы?

Я заглянул через ее плечо: так и есть, с утра пораньше она просматривала резюме членов команды.

– О непостоянстве, склочном характере, не позволяющем уживаться с коллективом, о том, что кандидат не слишком надежный, – ответил я, продолжая свой путь.

– Но Паша же сказал, что у него таких людей нет. Все работают больше двух лет.

Она дождалась моего возвращения из туалетной комнаты и продолжила как ни в чем не бывало:

– Но есть один парень, который прыгал с работы на работу до устройства в «Айтишники».

В комнате было чудовищно холодно и почему-то сыро.

– Да, я приняла душ, теперь не знаю, как высохнуть и согреться, – пожаловалась Вика, сморщила нос и глубже зарылась в плед.

Я хотел открыть окно, на котором образовалась густая испарина, но с улицы, несмотря на то что уже рассвело, дуло такой свежестью, что желание проветривать комнату тут же пропало. Горы есть горы, пусть и экватор. Любопытно, как здесь люди живут без отопления и кондиционеров, которые могут просушить этот влажный воздух? Дети природы, Маугли какие-то. Залезть в теплую постель и снова заснуть хотелось больше всего на свете, но Виктория схватила меня за край футболки:

– Вот этот! Посмотри на него!

С экрана на меня уставился молодой человек лет тридцати. Черные волнистые волосы, яркие темные глаза, крупный нос, большие щеки. Наверное, любитель хорошо покушать. Хитроватая полуулыбка добавляла парню сходство с мультяшным бородавочником Пумбой из мультфильма «Король Лев». Он производил впечатление скорее приятное, чем наоборот.

– Михаил Богатко из Полтавы, – пояснила Вика. – Занимался частным бизнесом, видимо, прогорел, потом организовывал торжественные мероприятия: свадьбы, дни рождения, банкеты, делал программы под вентиляционное оборудование, год сидел без работы или работал неофициально...

– И что? – Если честно, мне сейчас хотелось ее чем-нибудь стукнуть.

– У остальных рабочая биография, как железная дорога в степях Казахстана: прямая и незатейливая. Девчонок четыре, и все они очень молоды – от двадцати четырех до двадцати семи лет, «Айтишники» либо их первое место работы, либо второе. Рустем, Искандер, Евгений и Петр – двадцать семь, двадцать восемь, двадцать восемь и двадцать девять лет соответственно – после окончания вузов сразу стали работать в «Айтишниках». Петр даже вырос до руководителя проекта. Олег – самый старший, если можно так выразиться, член команды – ему

тридцать пять, работает в фирме дольше всех, почти восемь лет, до этого работал на одного из крупнейших российских операторов связи. И вот остается Михаил...

Я вспомнил одну историю, которую и рассказал Вике в надежде, что она наконец отстанет от меня.

– Родители одного парня отдали его на усыновление. Вырос он в чужой семье. Университета так и не окончил. Скакал с работы на работу. Ездил в Индию на поиски себя. Кроме прочего, чувак страдал дислексией, то есть был полностью не обучаем. Хороший ли это работник?

Виктория насупилась:

– Даже не знаю, сколько проектов в Латинской Америке отдал бы Паша Кнопкин японцам или хоть голубоногим олушам за возможность поработать с этим, как ты выражаешься, чуваком.

Она попала в точку, потому что я только что вкратце изложил биографию Стива Джобса.

– Может быть, скакать с работы на работу – признак гениальности или напряженной борьбы с обстоятельствами, и вот Михаил из Полтавы наконец победил, устроившись на крутую высокооплачиваемую работу? – бросил я, отправляясь в сторону своей спальни с чувством небольшой, но все-таки победы.

Вика не ответила.

Стоит ли говорить, что, проснувшись в десять утра, я обнаружил Викторию в глубоком коматозе рядом с компьютером и недопитой чашкой кофе?

Разбудить уважаемого эксперта оказалось не под силу даже ее будильнику. Пришлось тащить эту раннюю пташку в спальню и воссоединять с кроватью.

Несмотря на то что солнце давно взошло, комната все еще не просохла, и тут я вспомнил, что хозяин удобнейших апартаментов говорит по-английски. Видимо, Павел Кнопкин не зря вчера поделился этой ценной информацией.

Хорхе, так звали нашего рантье, взял трубку после первого же гудка, как будто ждал моего звонка, однако, несмотря на наличие языка-посредника, наш разговор с квартирным хозяином не заладился с самого начала.

– Это климат такой, – сообщил мне голос на том конце провода.

Обладатель голоса говорил по-английски действительно неплохо, с забавным испанским акцентом. Хотя акцент оказался в этом случае только на руку, потому что делал речь более понятной. Хорхе старательно выговаривал все буквы, в том числе те, которые не читались.

– Климат снаружи мы исправить не можем, зато можно исправить ситуацию в доме. Почему бы вам не привезти нам обогреватель? – поинтересовался я.

Хорхе ненадолго завис, помолчал, но тем не менее прекрасно меня понял и ответил предельно вежливо:

– Я здесь родился, вырос, тут всегда так. Мы очень редко используем обогреватели.

– Это очень странно. У нас в России тоже климат. И гораздо суровее вашего, поверьте мне, но мы научились отапливать помещения пару тысяч лет назад.

Хорхе вежливо усмехнулся.

– Вот и я удивляюсь, вы же вроде бы русские. У вас там даже снег есть, – проявил осведомленность наш квартирный хозяин.

Черт побери, кажется, раздобыть обогреватель становилось делом чести!

– Есть, – согласился я. – Но неужели вы думаете, будто из-за того, что у нас есть снег, русские кардинально отличаются от эквадорцев? Уверяю вас, Хорхе, русским бывает холодно точно так же, как всем остальным людям на земле, просто мы умеем тепло одеваться и не привыкли жить в сырости.

Мой собеседник как-то неопределенно хмыкнул в трубку. В его интонации мне послышалось какое-то невысказанное расистское замечание.

На словах же он искал компромисс:

– Я мог бы заехать к вам и привезти дополнительные одеяла и пару свитеров.

– Эту проблему невозможно решить с помощью свитера. У меня тут мокрые полотенца и запотевшие окна.

Хорхе то ли искренне не понимал, то ли придурился:

– Я, конечно, могу поговорить, но боюсь, что не разрешит управление зданием, так как обогреватель может перевернуться.

Я все больше заводился от этой беседы, повороты которой были не менее лихими и неожиданными, чем маневры шайтан-автобуса на дороге.

– Кто же его перевернет, неужели я или Виктория?

Хорхе спохватился.

– Только не обижайтесь, сеньор Александр. – Он сделал ударение на последний слог. Испанцы это умеют. Даже банальное и скучное слово «компьютер» в испанском языке похоже на лихого тореадора, укротителя быков: компутадо́р! Алекса́ндо́р, вне всяких сомнений, звучало гораздо брутальнее, нежели Александр, наверное, он пытался подольститься.

– Это не мои домыслы, сеньор Александр, – оправдывался Хорхе. – Такие законы. Только и всего.

Поняв, что правила эффективной коммуникации не действуют на этого прохиндея, я поставил вопрос ребром: или обогреватель, или мы найдем другую квартиру.

– Я попробую сделать все от меня зависящее, – не слишком убедительно заверил Хорхе и повесил трубку.

Почувствовав себя немного Александром, я поставил вариться кофе и вышел на балкон.

С высоты нашего седьмого этажа взору открывалась совершенно потрясающая картина, которую мозг, оправившись от джетлага, смог наконец оценить по достоинству. В долине между горами лежали проспекты «делового пузыря», а чуть на отдалении – улочки и скверики колониального Кито.

Кито – первый в мире город, взятый под охрану ЮНЕСКО, потому что здесь почти в нетронутом виде сохранилась европейская застройка шестнадцатого-девятнадцатого веков. Если рай понимать как место без войны, то Эквадор – это рай. Правда, с небольшой поправочкой. Раем эта страна стала с того момента, как испанцы пленили, а потом в 1533 году казнили Великого Инку Атауальпу, предводителя одной из мощнейших индейских империй – царства Киту. Кстати, произошли эти события, радикально изменившие ход истории Южной Америки, как раз где-то в районе нынешней столицы Эквадора. Несмотря на то что сопротивление индейцев на территории Анд продолжалось вплоть до 1572 года, фактически поражение эквадорских индейцев кечуа стало началом конца этой некогда могущественной цивилизации.

В общем, приблизительно с первой трети шестнадцатого века Франсиско Писсаро совершенно поработил местное население, и на территории Эквадора больше не воевали. За все время новой истории южноамериканского континента индейцами были сделаны три попытки отстоять территорию вокруг реки Амазонки, но все безуспешно. В одном из этих конфликтов чем-то и отличился генерал Карлос Тобар, имя которого увековечили в названии нашей улицы. Правда, чем именно он прославился, ни англо-, ни русскоязычный сектор интернета не поведали.

Благодаря почти райскому спокойствию в Кито сохранилась испанская застройка, какой не увидишь и в самой Испании. Церкви и базилики пятнадцатого-шестнадцатого веков в знаменитом стиле мудехар: эклектика мавританского, готического и ренессансного стилей. Самые богатые аббатства во всей Латинской Америке, улочки и домики, расписанные индейскими орнаментами, украшенные европейской лепниной. Собор Дель Вото Националь (Национальной клятвы) – копия парижского Нотр-Дам де Пари, только в несколько раз больше. Все это

щедро обещали путеводители. Так что после известия о том, что я не увижу океан, мне было чем утешиться.

На столе валялось несколько листов формата А4, исписанных Викиной рукой, а в компьютере был открыт вордовский документ.

Доброе утро, Паша! Вы предупреждали про пять утра, но на меня такие штуки вряд ли подействуют, – писала самоуверенная Вика, мирно посапывающая теперь в соседней комнате. – Так что вот вам краткий отчет о методике, которую я собираюсь применить.

Японцы, которые не очень сильны в бизнес-анализе, как Вы сегодня пояснили, сильны кое в чем другом. Методика «Дерево вариаций», которая нам поможет найти крысу, по иронии судьбы разработана именно в Стране восходящего солнца. Кармический случай, если хотите. Так вот, японским лингвистам было поручено очень необычное задание от правительства: им нужно было зафиксировать и описать все трагические случаи на строительных объектах, которые происходят из-за коммуникативных неудач. Дело в том, что в Японии 40 % от всех смертных случаев во всех отраслях промышленности – это смерти на стройках. При этом 90 % из них связаны именно с проблемами понимания. Такой вот удивительный и малообъяснимый для меня факт.

Суть метода в следующем: например, крановщику поступает команда сгрузить плиту слева от площадки, а рабочим – двигаться вправо. Но по какой-то причине рабочие не понимают команду или понимают ее неправильно (возможно, сама команда была плохо сформулирована или были какие-то экстралингвистические помехи, причин может быть много, но не это важно). Важно, что происходит слом коммуникации, а за этим сломом следует трагедия: плита опускается на головы рабочих. Но методика оказалась шире. С кранами – это просто жизненный пример, который тем не менее показывает наличие некоего дерева вариаций различных случайностей, команд, ошибок и их неверной трактовки. Дерево должно было вырасти одним прямым стволом, а выросло с ответвлениями. Для нас с вами этот метод интересен своей обратной логикой. Мы идем от трагедии – то есть от утечки информации. Изучив дерево вариаций и сопоставив несколько подобных случаев (ведь утечек было несколько), мы поймем, в какой момент информация оставалась без присмотра: внезапные перекуры, возвраты документа, ничем не объяснимые с точки зрения повседневных рабочих ритуалов, возможно, прямые провокации или манипуляции со стороны кого-то из членов команды. Чтобы украсть, вору необходимо остаться в комнате одному, он должен занять определенную позицию, чтобы его не видели камеры, достать фотоаппарат или телефон. Это предполагает целый комплекс действий, которые так или иначе отразятся в общем чате, коль уж даже о перекуре сотрудники договариваются в сети. В общем, пока я вижу это так.

До встречи сегодня на митинге!

Успела ли Вика отправить Павлу свое письмо, оставалось загадкой. В целом ее видение казалось непротиворечивым и логичным. Нелогично было другое: анализ узлов вариаций, то есть отклонений от норм коммуникации, – это лингвистика чистой воды. Такая работа не предполагает личного присутствия эксперта. Анализ можно провести, не сходя с дивана. А уж в

области дивановедения моя тетка эксперт не хуже, чем в филологии. Даже в своем контракте со следственными органами она умудрилась прописать собственный диван в качестве постоянного рабочего места.

Конечно, можно возразить, мол, кто ж не захочет прокатиться на другую сторону земного шара, коль такая возможность выдалась, однако Викторию халявные путешествия не прельщают. Впрочем, возможно, Павел Кнопкин просто не разобрался в сути проблемы, а возможно, дерево вариаций гораздо быстрее построится, если посмотреть на участников команды, так сказать, в реальной среде обитания, непосредственно сидящими каждый на своем суку. Что ж, посмотрим, раз нам представлялась такая возможность.

Пока я возился с кофе и Викиными бумагами, солнце поднялось высоко, и в комнате наконец-то потеплело. Я открыл переписку в чате, которую предоставил Павел. Чат существовал с самого первого дня пребывания здесь команды, то есть с 1 сентября текущего года: команда работала онсайт уже два месяца.

Глава 7

Смайл-поколение

02.09. День второй

Анатолий: кто-нибудь видел Михаила?

Олег: он ушел на обед

Анатолий: он срочно нужен в переговорной. Петр зовет. Мексика на связи!

Анна: я видела его недавно в комнате отдыха

Анатолий: ты позвала его?

Анна: нет

Анатолий: почему?

Анна: лол:)

Анатолий: блинский пень, почему?

Анна: Анатолий, я тогда не знала, что он срочно нужен. Ты только сейчас это написал.

Анатолий: набираю его, не отвечает.

Анатолий: он там отдыхал?

Анна: кто? где?

Анатолий: Миша в комнате отдыха

Анна: неа, на рояле играл

Анатолий: а серьезно?

Анна: серьезно

Анатолий:????

Анна: давил по клавишам, жал на педали

Анатолий: он что, Денис Мацуев или кто?

Камилла: не видела, чтобы тут где-то стояла рояль

Анна: не Мацуев, но играет красиво

Камилла: а где рояль-то?

Михаил: спокойно, без паники, я уже здесь

Михаил: извини, Анатолий, не видел чат, а телефон на беззвучке

Анатолий: все, ребята, нас с Мишей нет! мы в Мексике

Олег: удачи!

Евгений: удачи, парни!

Лилия: держим кулачки!

Камилла: как говорят у нас в Казани, алга!

Роксана: что это «алга»?

Камилла: алга – «вперед» по-татарски.

Рустем: татарские батыры не знают слова «назад», они говорят алга, разворачиваются на 180 градусов и снова алга!

Роксана: аха-ха :)))

Дальше в чате было несколько открыток и демотиваторов на тему популярного интернет-мема «сохраняй спокойствие... и чего-нибудь делай». Последняя открытка, которую загрузил Рустем, оказалась нестандартной. Это была фотография всех членов команды, на которой красовалась надпись:

«СОХРАНЯЙ СПОКОЙСТВИЕ И БУДЬ В ЦЕНТРЕ МИРА».

Ребята стояли, взявшись за руки, по две стороны от жирной желтой полосы, прочерченной на гранитной дорожке. Везде, куда хватало взгляда, простирались горы, вершины которых скрывала тяжелая влажная облачность. Метрах в двадцати над головами ребят возвышался гигантский каменный шар, который крепился на гранитном постаменте.

Поскольку я уже изучил путеводители по местным красотам, я знал, что это и где это. Стало ясно, почему ребята в первый же рабочий день начали общение как будто с полуслова. Оказывается, они уже познакомились, съездив к одной из главных местных достопримечательностей – *Mitad del mundo* – Центр мира, место, где пролегает нулевая параллель.

Кстати, эквадорцы не зря гордятся и ведут название своей страны от экватора. Так случилось, что на Земле нет другого места, где нулевая параллель проходит по суше, но при этом не облеплена москитами джунглей Амазонии и не плутает по очагу какой-нибудь жуткой эпидемии или очередного вооруженного конфликта.

В общем, обсудив последнее фото, которое понравилось всем без исключения членам команды, чат взял перерыв, но уже через 20 минут был разбужен репликой Камиллы, которая снова вспомнила про Михаила.

Камилла: Миша на рояли играет.

Анна: и что?

Камилла: он говорил, что из села. Я тоже из села. В селах редко музыкалка есть.

Лилия: может, это большое село?

Камилла: не во всяком поселке городского типа музыкалка есть

Евгений: Лилия, Маасквaaaa))) ха-ха

Лилия: наивный вопрос был, да?

Евгений: Лилия, ты где-нибудь дальше Третьего транспортного кольца бывала?

Лилия: во Франкфурте, в Бостоне, в Париже, в Милане...

Анна: вау!

Евгений: вот-вот, Маасква, заканчивай понты кидать.

Анна: :) можно подумать, ты, Женя, из Урюпинска! Кстати, о Михаиле, может быть, он самоучка?

Камилла: разве можно научиться играть без всяких там сальфеджий?

Евгений: Джимми Хендрикс был самоучкой

Анна: это же гитара

Евгений: и что гитара?

Евгений: Чак Берри

Анна: Чак Берри – тоже гитара

Лилия: битлы самоучки

Анна: хватит гадать, когда они вернутся, спросим

Михаил: что спросим? как деревеница сумел освоить сложный музыкальный инструмент?:)

Евгений: ты же в Мексике

Михаил: да, и мне отсюда все видно и слышно!

Лилия: лол, Миша, ты не похож на деревеницу

Михаил: уфффф! ;)))

Михаил: все, я похерачил обратно к мексикосам.

Анна: джентльмен!

Михаил: я колхозник

Евгений: предлагаю звать Мишу джентльмен-колхозник. Ну типа как барышня-крестьянка

Камилла: аха-ха

Анна: Женя, ты что, охренел совсем? Миша, не обижайся, Женя сегодня не завтракал

Михаил: ха-ха, да мне нравится. Подходит, я согласен!

Олег: а меня как будете звать?

Анна: тебя – Вещий Олег.

Олег: а что я навещал?

Анна: ну ты дольше всех в компании, наверняка навещал чего-нибудь за это время

Евгений: а я?

Лилия: а ты Женя-прекрасный.

Анна: в точку!

Камилла: лол :)

Евгений: ну спасибо, девочки. Более гейского прозвища у меня еще не было

Анна: При чем тут это? Просто красивый. И ты мой жених, так что все имейте в виду!

Камилла: мы в курсе! Совет да любовь! Когда свадьба?

Евгений: как вернемся с сайта

Лилия: а Петр будет молчун

Петр: я все вижу, хоть и молчу. И я твой начальник, Лилия!

Лилия: молчу-молчу

Петр: черт, ну вы трепаться! Ладно, как будем звать Анатоля?

Анна: А зачем его звать? Анатолий сам приходит

Лилия: я бы назвала его Анатолий Пелигро

Олег: что это «пелигро»?

Лилия: а вы не заметили? По всему городу надписи «Peligro». Когда идут ремонтные работы или провал на дороге, ставят табличку Peligro – ОПАСНО!

Роксана: Лилия, ты знаешь испанский?

Лилия: да не особо, чуть-чуть в школе учила сто лет назад. Все забыто напрочь

Олег: а почему это Анатолий «опасный»?

Лилия: мы же не знаем, сколько у него еще в запасе игр для нашего сплочения!

Олег: Лилия, зачет!

Петр: ОК!

Искандер: :););)

Анатолий: будут вам игры, бугага! (#°#°)### # #

Петр: (#_#)

Рустем: (_!_)

Камилла: охо-хо (#η)

Вот, прекрасно, Гомер посвятил 265 строк списку кораблей, отплывавших в Троию. Толстой на 20 страницах описывал дуб. Поворот к сестре таланта, конечно, сделал Антон Павлович, но даже он удивился бы, до какой краткости в описании событий мы дойдем в двадцать первом веке.

Камилла: :) какая в этот раз талантливая команда собралась... У кого какие еще таланты есть? Колитесь!

Анна: танцы

Евгений: музыка – слушать, не играть

Олег: я пожрать люблю (#^)#

Камилла: о, я с тобой! Люблю готовить

Олег: я женат

Камилла: я не в том смысле, не обольщайся!

Олег: :(

Лилия: Камила, я подписалась на тебя в Фейсбуке. Твое малиновое конфи, когда каждую малинку надувают пудингом из манго, меня покорило

Камилла: ага :)

Лилия: алга!

Петр: я, конечно, молчу, но вот только что был звонок от службы поддержки и на него никто не ответил, так что я перехожу от молчания сразу к мату...

Пока можно было отметить только то, что ребята очень быстро идут на контакт, приветливы, обладают чувством юмора. Михаил успел привлечь внимание не одной только Виктории, но и всей женской части коллектива, потому что играл на рояле. Над Анатолом посмеиваются.

И да, универсальное слово «лол» означает любое проявление смеха – от сарказма до легкой иронии. Судя по тому, как часто оно появлялось в переписке, смеяться тут принято надо всем подряд и в первую очередь над собой. Даже пафосному Анатолю приходилось подстраиваться и подключать опцию «снижение пафоса», которая, кажется, не была предусмотрена у него по базовой комплектации, но пришлось, как говорят психологи, проработать эту проблему, иначе в таком коллективе не выжить.

4.09. День четвертый

Михаил: ребята, расшарьте документацию по второму стриму

Искандер: давай

Рустем: в каком формате?

Михаил: ну обычный, вордовский, чего там мудрить-то

Рустем: ок

Искандер: народ, отпишитесь...

Камилла: да

Лилия: +

Олег: +

Анна: +

Роксана: +

Петр: +

Евгений: +

Анатолий: +

Михаил: Анатолий, а ты зачем плюс ставишь?

Анатолий: чтобы не отрываться от коллектива

Михаил: Толя, ты это брось. Не путай меня.

Анатолий: Анатолий – это не русское имя, у него нет краткой формы

Искандер: и это брось :)

Анатолий: ой

Рустем: #плавлюсь от смеха

Искандер: кек, кек, кек

Анна: не обижайте Анатолия

Олег: что значит «кек, кек, кек»? Ты в туалете, что ли?

Рустем: Олег, лол. :)

Олег: мне 35, простительно не знать ваши словечки

Лилия: мне 27, но я тоже не в курсе, если че

Искандер: это типа смех такой

Рустем: ироничный

Олег: ааааа, ну кек тогда!

Анатолий: все-все, народ, не надо кекать. Не забывайте делать подарки тайным друзьям, и не все еще мне справки о пересечении границы сдали. Всем добра!

♥♥♥♥♥♥♥♥

Анна: по-моему, мой тайный друг – священник

Олег: с чего ты взяла?

Анна: вчера он поставил мне рядом с компом открытку с ангелом, а сегодня – свечку :)

Олег: среди нас не только тайные друзья, но и тайные священники?

Лилия: может быть, твой друг просто поймал местную волну и уже готовится к Рождеству?

Роксана: кстати! О Рождестве! вы видели, что возле супермаркета начали собирать елку?

Искандер: я вчера видел работающий рождественский базар

Олег: праздник к нам приходит... праздник к нам приходит...

Камилла: чем раньше, тем лучше!

Искандер: а меня чет бомбит с этого.

Камилла: почему?

Искандер: потому что праздник не может длиться полгода. На фиг в сентябре елка?

Олег: согласен

Роксана: Анна, твой друг просто путает тебя

Анна: м-да, загадка.

Михаил: я в детстве хотел быть священником, но это не я поставил тебе свечку, честно-честно!

(→_→) извини

Лилия: лол :)))

Анна: серьезно, священником?

Михаил: да, причем католическим

Анна: а как же celibat?

Михаил: везде свои минусы. Я даже имя себе уже выбрал, но потом передумал

Лилия: какое имя?

Михаил: Филипп

Камилла: а что – отец Филипп – прикольно

Олег: неплохо, но нелепо.

Рустем: у меня пригорает с имени Филипп

Михаил: почему?

Олег: реально странное имя для священника. Филипп означает – любящий лошадей

Рустем: ага, я понимаю Теофил, Андрей, Фома, Франциск какой-нибудь, но Филипп...

Петр: святой Януарий

Михаил: идите вы! :) я имел в виду апостола Филиппа!

Олег: никогда не слышал о таком апостоле

Михаил: был такой. Кстати, он сумел истолковать ветхозаветные пророчества и, в отличие от других апостолов, последовал за Христом по его первому призыву

Олег: а-а-а, вон оно что. Да ты реально подкован!

Михаил: а то!

Искандер: а что, священником быть хорошо – паства тебе донатит, деньги есть, работа не сложная...

Лилия: Искандер, ты плохой татарин, татары все религии уважают

Искандер: я из Минска, лол :)

Олег: а я согласен. Поп – тот же менеджер. Типа наших сейлзов. Только еще хуже. У наших сейлзов к понтам хоть товар прилагается. А у попов товар мифический, а понты и деньги настоящие

Рустем: «Ты приходи в церковный shop, там я топ-менеджер, топ-поп». Помните песенку?

Михаил: не помню, но в чем-то Искандер с Олегом очень сильно правы

Рустем: так ты разочаровавшийся священник?

Петр: народ, мы не говорим на сайте ни о религии, ни о политике. Договор?

Лилия: я слышала, в одном испанском офисе сотрудники так бурно обсуждали современную политическую ситуацию, что подрались. Стульями...

Роксана: да, да, одному парню череп проломили

Петр: кстати, уволили в том офисе всех. В курсе?

Анна: всеееех?

Петр: ВСЕХ

Анна: и тех, кто не дрался?

Петр: и тех, кто покурит в тот момент выходил

Камилла: а на самом деле, хорошо, что Миша в монастырь не ушел, кто бы нам иначе на пианино играл...

Анна: и на гитаре! :)

Михаил: спс! спс! Не нужно аплодисментов.

Евгений: что за срач, а драки нет?

Михаил: все-все

Петр: баги фиксим, пиллы!

Евгений: а мне тайный друг подарил переходник. Только я сказал, что мой сдох, прихожу с обеда – лежит, новый совсем. Спасибо, тайный дружище!

Лилия: ♥♥

Камилла: :)

Петр: у тебя, Лилия, кстати, баг, который не дал пройти документу. Видишь?

Лилия: вижу. Фиксту уже

Анна: ура! А нам на переходник не тратиться!

Искандер: новый альбом Body Count.

Евгений: ты хочешь новый альбом?

Искандер: уже нет. Тайный друг закинул его в мой плей-лист

Лилия: это что, «Body Count»?

Искандер: крутая трэш бэнд

Лилия: ой

Рустем: Боди Каунт инда Хаус. Не изменяют себе. Уважение!

Искандер: огонь!

Лилия: ребят, вы точно по-русски говорите?

Анна: мне вот тоже интересно)))

Олег: + 1

Михаил: Stick тожо им в помощь!

Анна: и Миша туда же

Михаил: все, что связано с музыкой, – это мое.

Рустем: айс ти топовый чел

Михаил: труууу)))) #

Искандер: спасибо, дружище, альбом очень зашел!

Рустем: ты думаешь, я твой друг?

Михаил: или я?

Искандер: явно кто-то из вас. Вряд ли тут кто-то еще знает о существовании Body Count.

Рустем: думай, напрягай мускулы зада!

Мозг, думай!

Михаил: я на перекур, если кто со мной, встречаемся внизу

Олег: я с тобой

Петр: Лилия, пофиксила?

Лилия: исправила, норм!

Искандер: Женя, включи сабы на презентации

Евгений: чего включить?

Искандер: сабы – субтитры

Евгений: откуда ты таких слов набрал?

Рустем: нормальное слово – все так говорят

Лилия: кто все?

Камилла: я думала, что ты про поселок Богатые Сабы, есть такой в Татарстане

Искандер: я из Минска, это местный сленг. Буга-га! :)

Евгений: в Бобруйск – животное!

Лилия: сейчас наш директор должен вступить за Бобруйск

Евгений: ой, забыл. Ха-ха. Бобруйск для бобров

Рустем: драпути, приехали!

Анна: я с вами, пацаны!

Евгений: когда все идут курить, мне кажется, что они готовят заговор

Роксана: а у нас тут будет свой заговор – некурящих

Я встал, сварил еще кофе и открыл окно нараспашку. К одиннадцати часам на улице стало по-настоящему жарко, и в комнату наконец хлынул разогретый воздух вместе с дневными звуками проснувшегося Кито. Необычным в этих звуках было то, что шум большого города, который, наверное, одинаков на всех континентах, здесь соревновался за акустическое первенство с пением птиц и стрекотом цикад. Одна цикада нагло запрыгнула прямо на подоконник и разоралась так, словно ее тут пытали. Когда же мне наконец удалось вышвырнуть ее, она, не сделав ни малейшей попытки взлететь, камнем рухнула вниз и приземлилась прямо под ноги какой-то важной сеньоре с высоченной прической. Женщина задрала голову, погрозила кулаком, крикнула что-то явно ругательное по-испански и невозмутимо зашагала дальше.

То, что сказала сейчас эта сеньора, то, что говорила цикада, и то, как общаются некоторые из членов команды Кнопкина – это, в сущности, одно и то же для меня. Кажется, я переоценил даже свои сленговые познания, хотя компьютерами увлекаюсь давно и английским владею прилично, но языком этих товарищей можно было при желании писать настоящие шифровки.

«Заапрувьте мне таск, я расшарю по команде, а я потом засабмичу репорт сейлзам с сабами и видео». Перевод будет звучать приблизительно так: «одобрите эту задачу, я поделюсь ею с членами команды, а потом отправлю информацию продавникам с субтитрами и видео». Но компьютерный сленг – это только половина беды, там хотя бы помогал английский. А вот адскую смесь из айти-словечек, языка блогов и молодежных музыкальных чатов, на которой изъяснялись Искандер с Рустемом, можно было понять только приблизительно. Большая часть этих слов и терминов никогда не станут известны более чем 0,003 процентам населения, и об их значении я чаще всего мог лишь догадываться из контекста, так как никому не пришлось бы в голову заносить такие слова в словари.

Даже у тяжеловесов среди неологизмов судьба непредсказуема. Ведь забыли же мы, например, слово «ЭВМ», которое полностью заместилось словом «компьютер». И между прочим, у самого компьютера тоже не так много шансов закрепиться на века. Мало того, что компьютер сократился до компа, так у него появилась масса синонимов: ноут, пк, персоналка, лэптоп, мак, микрокомпьютер, нейрокомпьютер. И когда кто-то сообщает, что он купил новый компьютер, то вовсе не обязательно, что каждый подумает об одном и том же предмете. А для сохранности слова в языке это очень тревожный симптом. Так что если уж «компьютер» под вопросом, то что говорить про все остальное?

В общем, речь наших новых знакомых и одновременно подозреваемых в некоторых местах оказывалась для меня не просто под вопросом, а под тремя вопросами, что, конечно, дела не облегчало.

К грамматике чувств – понятие из терминологии Вики – вопросы тоже имелись. Вся грамматика состояла, например, у тех же Рустема с Искандером из метафор огня: «бомбануло», «пригорает», «огонь», «плавит от смеха». Интересно, это потому, что их что-то бесит или в данном случае это некое общее ощущение, свойственное молодости? Ладно, если честно, то я и сам так иногда говорю. Но это, думаю, ни о чем – просто такая мода. А вот другая группа слов с вероятностью в 90 % указывала на то, что и Искандер, и Рустем геймеры: КЕК, САБЫ, ДОНАТИТЬ, то есть добровольно жертвовать деньги. Это все точно оттуда – из прекрасного игрового мира, пришедшего сменить идилические ватные облака и толстых амурчиков ренессансной пасторали.

Для психологической характеристики ребят немаловажен и тот факт, что Искандер затеял спор о религии, Рустем с Олегом поддержали его, но при этом быстро подчинились запрету Петра и свернули тему. Видимо, умение подчиняться законам коллектива присуще членам команды. Например, Михаила несколько раз пытались задеть то деревенским проис-

хождением, то обсуждением священства, но тот всякий раз ловко превращал эти разговоры в шутку. Такая черта вполне объяснима: управляемость, умение искать компромисс, самоирония – ключевые качества для прохождения отбора в длительную командировку в чужую страну, где долгое время придется работать нос к носу с самыми разными людьми, да еще из бывших республик некогда одной страны, что только создает дополнительные проблемы. Интересно, для чего Павел замешал эту сборную солянку?

В остальном ситуация была типична для первых дней общения: преобладали стратегии сближения и попытки установить согласие в коллективе. Общение в чате накладывало свой отпечаток: лаконичность, эмоциональность, отрывистость, огромное количество сленга, преобладали незаконченные синтаксические конструкции. Из-за этой последней особенности переписка в чате казалась мне поначалу даже грубоватой: никто ни с кем особо не расшаркивался. Ни вводных конструкций, ни этикетных фраз, минимум «словесного мусора». Вместо эпитетов и наречий – эмодзи. Этот выхолощенный язык чем-то напоминал знаменитый оруэлловский новояз из романа «1984», когда предлагалось «хороший» заменить на «плюсовый», «прекрасный» и «замечательный» – на плюсплюсовый, и так далее. Интернет пошел еще дальше: вместо плюсовый можно поставить одну хохочущую рожицу, вместо «плюс-плюсовый» – две. Вчера Вика сказала: вместо названия «миллениалы» нам больше подойдет название смайл-поколение. Вот уж точно.

Проблема была только в том, что из-за этой привычки не подбирать слова, а выражать эмоции смайлами все участники чата казались мне на одно лицо.

Анна: почему в городе почти нет индейцев?

Олег: индейцев вы в деловом пузыре не встретите, разве что попрошаек

Камилла: ой, это ужас! Индейские дети сидят на краю дорог и играют частичками пыли, пока родители всякую ерунду шоферам продают.

Евгений: ага, прям элементарными частицами пыли играют :))))

Камилла: ну шариками пыли, как их... Не цепляйся к словам!

Петр: пиплы, анекдот от заказчика! Молодой индеец спрашивает старого: «Вождь Сочный Овес, где белые берут свои маленькие карточки, которые они вставляют в железные ящики, чтобы ящики выдавали им деньги? Я тоже хочу иметь такую». «Смирись, Острый Перец, – отвечает старый индеец. – Не получить тебе такой карточки. Эти карточки даются каждому белому при рождении»

Лилия: ничеси :)

Евгений: :(

Роксана: запрещен?

Петр: есть сомнения?

Лилия: расисты эти потомки конкистадоров

Олег: тут вам не США, тут можно

Петр: расисты? Это, знаете, как посмотреть. Например, в Эквадоре образование платное, а для индейцев – бесплатное, но индейцы не хотят отдавать своих детей в школы

Анна: предпочитают торговать фруктами?

Петр: это называется сохранять культурную самобытность

Михаил: индеец снимает скальп со своих врагов, бледнолицый – дерет три шкуры со своих друзей

Олег: что это?

Михаил: индейская народная мудрость

Лилия: типа, мы не с вами?

Михаил: разные представления о жизни

Анна: несовместимые, типа

Михаил: типа того

Олег: не знаю, как нынешняя молодежь, а мы в детстве всегда были за индейцев. У нас был хороший Гойко Митич против злых американских ковбоев

Петр: мы тоже были за индейцев

Лилия: а я не помню ни одного фильма, где индейцы были бы против испанцев, всегда плохими были только американцы

Олег: правильно, дедушка Фидель мог обидеться. Низзяяяя

Рустем: м-да. Чужая страна – потемки

Олег: факт – самая упрямая вещь в мире, как говорил Воланд: чем темнее цвет кожи и ниже рост, тем ниже социальное положение. Здесь, в деловом пузыре, только так

Искандер: а мы зато с Рустемом и Роксаной узнали тайну индейского золота

Евгений: расскажи про это господину Писарро

Камилла: я ставлю на то, что золото стащил наш сеньор Варгас.

Рустем: неа, во всяком случае не все

Лилия: Варгас, Варгас! Как минимум половина индейского золота у директора «Гранде-Трафико»!!! Вы видели, на чем он на работу ездит?

Камилла: лол

Анна: аха-ха,)

Олег: кек-кек-кек, говоря по-вашему

Михаил: вот так (-vv-)

Олег: о, эта морда, которую ты, Миша, нарисовал сейчас, на меня сегодня утром похожа)))

Роксана: ха-ха)))

Искандер: серьезно. Тут в центре города есть 2 церкви: одна францисканская, вторая – иезуитская. Это нечто!

Рустем: францисканская – Святого Франциска, иезуитская – Иисуса и его компании

Лилия: как называется вторая?

Рустем: там написано: La compania de Jesus.

Лилия: аха-ха –))))) Иисуса и его апостолов!

Анна: я в Испании этих церквей перевидела

Рустем: таких не видала

Искандер: отвечаю, народ, их хоть вдоль положи, хоть поперек, – все в золоте. Оказывается, иезуиты и францисканцы соревновались, кто больше золота в свою церковь натащит

Олег: у католиков свои вызовы и челенджи

Анна: ребята были на хайпе!

Лилия: кто победил-то?

Искандер: победили иезуиты, и, как всегда, хитростью. Они под разными предложениями задерживали окончание строительства своей церкви, а когда францисканцы свою закончили и открыли, иезуиты сравнили и принесли немножечко больше золота. Короче, эта Церковь Иисуса с компанией строилась в итоге с 1605 по 1765-й, зато сейчас она самая богатая во всей Южной Америке.

Лилия: ну молодцы, че!

Искандер: это не все. Вот сами подумайте, откуда столько золота? Мы за то, что индейское золото не в Испанию отвезли, а принесли в жертву христианскому богу за открытие Америки.

Евгений: кстати, тема – Франсиско Писсаро был набожным перцем

Рустем: Искан, пиши диссер!

Искандер: гыгы, не, Рустлайф, самый умный у нас ты

Камилла: что за кличка Рустлайф?

Рустем: это из Скайрима

Камилла: откуда?

Лилия: они опять не по-русски

Камилла: :)))

Роксана: скайрим – это игра такая, девочки, даже не пытаемся понять

Камилла: улыбаемся и машем

Лилия: мы уж поняли

Переписка открывала одну любопытную особенность, которая касалась всех участников чата. Члены команды неплохо владеют искусством легкой беседы, или, как ее еще называют, – беседой ассоциаций. Черта с два Викин метод вариаций тут сработает! Кажется, я начинал проникаться красотой задачи, потому что крыса, судя по всему, не просто обладает звериным нюхом, как охарактеризовал ее директор, она чертовски умна. Просто невероятно. Злой гений какой-то, а не крыса.

Считается, что культура small-talk свойственна Франции, где зародилась во времена короля Людовика-Солнце, и, конечно, Англии с их знаменитыми разговорами о погоде. Мы же, россияне, более фундаментальны, светскую болтовню считаем делом недостойным, а если уж говорим с незнакомцами или приятелями, то сразу про политику, семью, бога или хотя бы про философию с литературой. Однако ребята ловко болтали обо всем и ни о чем, всюю пользуясь главной установкой легкой беседы – узнавать собеседника, налаживать социальный контакт. Комплиментарность, прямые вопросы, эрудиция, умение быстро и с юмором среагировать на реплики, живость полилога, легкое переключение тем, самокритика – вот ключевые черты подобных разговоров обо всем и ни о чем.

Я заметил, что всезнающий Анатолий, как это ни странно, в этих small-talk участия не принимал. Остальные уже строили предположения друг о друге, легко пробовали друг друга на язык, самопрезентовались, старались понравиться. Смайл-поколение овладело не только английским сленгом, но и целым речевым жанром, который не был свойственен русскому языку. А ведь легкий светский разговор – самая простая проверка по критерию «свой-чужой» и вместе с тем одна из лучших маскировок. Потому что легкая беседа – это уже маска.

Кто же из ребят наладил в чате этот жанр? Не возник же он сам собой! Русская беседа имеет обыкновение быстро скатываться на обсуждение серьезных тем, здесь же этого не происходило. На данный момент, точнее на тот момент, до которого я успел дочитать, модератором открыто лишь однажды выступил Петр, когда озвучил темы, на которые не стоит говорить на сайте. Впрочем, ему это положено по должности, посмотрим, что будет дальше.

Открыв социальные сети членов команды (страничек не имелось только у Михаила и Олега), я обнаружил много стильных фотографий из лофтов и кофеен, с рок-концертов, а также горы и моря, перепосты цитат из Германа Гессе, Чехова, Толстого и групп вроде «Прогулки сквозь века», «Лепра», «Черный юмор», «Травеллер» и тому подобное. Определенно вкус у ребят есть. Согласно новейшим веяниям с Запада развитие воспринималось Пашиными сотрудниками как получение новых впечатлений. Вне работы ты крут, если путешествуешь, занимаешься йогой, рисованием, изучением китайского, капоэйрой, кайтингом, а потом снимаешь кино для собственного блога или альтернативного фестиваля.

У Анны имелось много фото из спортивных залов, у Камиллы – с фестивалей высокой кухни, где она даже сама однажды давала мастер-класс по приготовлению седла ягненка с подливой из какого-то хитрого соуса, название которого было так сложно и настолько не сочеталось с повседневной жизнью, что я моментально забыл его. Евгений разбирал новинки кино, Рустем и Искандер писали о современной музыке, концертах и новых гаджетах. Лилия явно готовилась к поездке в Эквадор заранее, потому что стены ее социальных сетей были заполнены панорамными видами Анд, а в статусе страницы красовалась цитата из Маркеса:

«Если вы встретите свою настоящую любовь, то она от вас никуда не денется – ни через неделю, ни через месяц, ни через год».

Кроме того, каждый постил фотографии из путешествий. Но фотографий вроде «я и Эйфелева башня» в этих блогах было не найти. Ребята не хвастались достижением точек на карте, во всяком случае, если подобные намерения и были, они успешно умели их маскировать. Заметки отличались занимательностью и здоровым стебом.

Например, по результатам прогулки по Кито Искандер опубликовал селфи с куском торта во рту, подписав: *«В Эквадоре можно поесть везде – от бутика до общественного туалета. Вот, например, я пью кофе с тортиком в здании базилики XVI века».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.